

**ГАНС
ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН**

ЛЕСНОЙ ХОЛМ

Ганс Христиан Андерсен

Лесной холм

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8651059

Аннотация

«Юркие ящерицы бегали по истрескавшемуся корявому стволу старого дерева; они отлично понимали друг друга, потому что все говорили по-ящеричьи.

– Нет, как шумит и гудит в лесном холме! – сказала одна ящерица. – Я из-за этой музыки вот уж две ночи кряду глаз сомкнуть не могу! Точно у меня зубы болят, – тогда я тоже не сплю!

– Там что-то затевается! – сказала другая. – Холм, как подымется на своих четырёх красных столбах, так и стоит, пока не запоют петухи, – верно хотят его хорошенько проветрить – а дочери лесного царя выучились новым танцам, то и дело вертятся! Да, что-то затевается!...»

Содержание

Ганс Христиан Андерсен

Лесной холм

Юркие ящерицы бегали по истрескавшемуся корявому стволу старого дерева; они отлично понимали друг друга, потому что все говорили по-ящеричьи.

– Нет, как шумит и гудит в лесном холме! – сказала одна ящерица. – Я из-за этой музыки вот уж две ночи кряду глаз сомкнуть не могу! Точно у меня зубы болят, – тогда я тоже не сплю!

– Там что-то затевается! – сказала другая. – Холм, как подымеется на своих четырёх красных столбах, так и стоит, пока не запоют петухи, – верно хотят его хорошенько проветрить – а дочери лесного царя выучились новым танцам, то и дело вертятся! Да, что-то затевается!

– Я говорила с одним моим знакомым дождевым червяком, – сказала третья: – он много ночей и дней рылся там, в холме, и подслушал кое-что. Видеть эта жалкая тварь ничего не видит, зато бродить ошупью, да подслушивать – мастер. В лесном холме ожидают чужеземных гостей! Важных-преважных! Кого именно – дождевой червяк сказать не хотел, да, пожалуй, и сам не знал. Все блуждающие огоньки приглашены участвовать в факельном шествии, – как это у них называется! И всё золото и серебро, – а этого добра у них в лесном холме довольно – полируют и выставляют на лунный

свет!

– Каких же это таких гостей ждут? – толковали ящерицы. – Что там затевается? Слышите, слышите, как там шумит и гудит?

В эту самую минуту лесной холм раскрылся и оттуда, семеня ножками, выскочила старая лесная девушка; у неё не было спины, но одета она была очень прилично. Это была ключница и дальняя родственница самого лесного царя, а потому носила на лбу янтарное сердце. Ножки у неё так и работали: топ! топ! и она живо очутилась в болоте у ночного ворона¹.

– Вас приглашают в лесной холм сегодня же ночью! – сказала она. – Но сначала я попросила бы вас оказать нам большую услугу – оповестить остальных приглашённых. Надо же быть чем-нибудь полезным, – своего хозяйства у вас, ведь, нет! Мы ждём очень важных чужеземцев, троллей с большим весом, и наш лесной царь не хочет ударить лицом в грязь.

– Кого же приглашать? – спросил ночной ворон.

– На большой бал могут явиться все и каждый, даже люди, если только они ходят или говорят во сне – вообще отличаются чем-нибудь в нашем роде. Званный обед – дело дру-

¹ Привидение в виде ворона с пробитым левым крылом. Происхождение его, по народному поверью, следующее: в старину, при появлении какого-нибудь человеческого привидения, прибегали к помощи священника; тот вгонял его заклинаниями в землю и затем втыкал на том месте осиновый кол. В полночь раздавался крик: «Освободи!» Кол вынимали, и привидение навсегда оставляло местность, улетев в виде ворона. *Примеч. перев.*

гое, тут надо выбирать, да выбирать. Общество должно быть самое избранное! Я уж и то спорила с лесным царём насчёт привидений: – по-моему, и их нельзя допускать! Прежде всего придётся, конечно, позвать морского царя с дочерьми; они не очень-то любят выходить на сушу, ну, да ничего, мы посадим их на мокрый камень, или ещё что-нибудь придумаем – надеюсь не откажутся! Потом надо позвать всех старых троллей первого класса, с хвостами, затем водяных и домовых, и наконец, я думаю, нельзя обойти приглашением могильную свинью, мёртвую лошадь² и церковного карлика: они всё-таки в близком родстве с нами и часто навещают нас.

– Карр! – крикнул ночной ворон и полетел приглашать.

Дочери лесного царя уже плясали на лесном холме с длинными прозрачными шарфами в руках. Шарфы были сотканы из тумана и лунного света, – это очень красиво по мнению тех, кому такие вещи нравятся. Парадная зала лесного холма была разубрана на славу: пол вымыт лунным светом, а стены натёрты ведьминым салом, так что блестели при свечах не хуже лепестков тюльпана. В кухне жарились на вертелах сотни жирных лягушек, готовились ужиные шкурки с начинкой из детских пальчиков и салат из мухоморов, сырых мышинных мордочек и белены. Пиво было взято с завода самой ба-

² По народному датскому поверью, под каждую вновь строящейся церковью следовало зарывать живую лошадь или свинью. Привидения этих животных, бродящие по ночам вокруг человеческих жилищ и предвещающие смерть кого-либо из живущих в них, и называются мёртвой лошадейю и могильною свиньёй. *Примеч. перев.*

бы-болотницы³, а искромётное селитряное вино добыто из могильных склепов; словом, всё было как следует. К десерту готовились груды ржавых гвоздей и осколков церковных стёкол.

Старый лесной царь велел вычистить свою золотую корону толчёным грифелем; для этого нужно было добыть грифеля первых учеников, а это для лесного царя очень трудно! В спальне повесили занавески и прикрепили их слюной ужа. Вот возня-то была!

– Теперь остаётся только покурить здесь волосом и щетиной, и – моё дело сделано! – сказала старая лесная дева.

– Папаша! – заговорила самая младшая дочка. – Скажи же, наконец, кто такие эти важные гости!

– Так и быть, – отвечал лесной царь: – скажу! Две из моих дочерей должны быть наготове! Две уж непременно выйдут замуж. Старый норвежский тролль, тот, что живёт в скале Доврэ, владелец множества гранитных дворцов и золотых россыпей – они у него лучше, чем думают – едет сюда женить двух своих сыновей. Старый тролль – настоящий норвежец, весёлый и прямой! Я давно его знаю, мы даже пили с ним на «ты», когда он приезжал сюда жениться. Жена его уж умерла; она была дочь короля меловых утёсов на Мэне. Ах, как мне хочется поскорее увидеть старого тролля! Сыновья-то у него, как слышно, не задались, задиры какие-то,

³ «Баба-болотница варит пиво» – говорят датчане при виде подымающегося над болотами тумана. *Примеч. перев.*

неотёсанные. Ну, да это, может быть, так, пустые слухи; к тому же они ещё поисправятся с годами! Надеюсь, что вы сумеете вышколить их!

– А когда они будут здесь? – спросила одна из дочерей.

– Смотри по погоде и по ветру! – сказал лесной царь. – Они очень расчётливы и едут морем с оказией. Я было советовал им ехать через Швецию, но старик до сих пор ещё косятся на ту сторону. Он немножко отстал от века, и вот это мне не нравится!

Вдруг к ним припустились во всю прыть два сторожевых блуждающих огонька, – один был попроворнее и прибежал первым.

– Едут, едут! – кричали они.

– Подайте мне мою корону и пустите меня на лунный свет! – сказал лесной царь.

Дочери высоко подняли свои шарфы и присели чуть не до земли.

Старый тролль был в короне из ледяных сосуллек и полированных еловых шишек, в медвежьей шубе и меховых сапогах. А сыновья его, здоровенные малые, ходили, напротив, нараспашку, с голыми шеями и без подтяжек.

– Разве это холм? – спросил младший, указывая пальцем на лесной холм. – По-нашему, по-норвежски, это – дыра!

– Вот так молодцы! – сказал старый тролль. – Дыра идёт вниз, а холм вверх! Что ж вы ослепли, что ли?

Особенно удивляло молодцов, по их словам, то, что они

так скоро выучились понимать здешний язык.

– Ну, ну, только не представляйтесь, пожалуйста! – сказал им отец. – Право, можно подумать, что вы малолетки!

Потом все вошли в лесной холм, где, грех пожаловаться, собралось самое избранное общество, да ещё собралось так скоро, точно их всех ветром намело! Каждому было приготовлено особое удобное местечко; морские гости сидели за столом в больших чанах с водой и чувствовали себя совсем как дома. Все вели себя за столом очень прилично, кроме молодых норвежцев-троллей. Они положили ноги на стол, думая, что у них всё выходит мило.

– Ноги долой! – сказал старый тролль, и они послушались, хоть и не сразу.

Своих соседок за столом они щекотали еловыми шишками, – у них были полные карманы этих шишек – потом сняли с себя, для удобства, сапоги и дали их держать дамам. Старый тролль вёл себя совсем не так: он рассказывал чудеснейшие истории о величественных норвежских скалах, о пенящихся водопадах, которые, с гулом и рёвом, подобными раскатам грома и звукам органа, низвергаются в пучину; рассказывал о лососях, что прыгают и борются с течением под звуки золотой арфы духа водопада; рассказывал о звёздных зимних ночах, когда весело звенят упряжные бубенчики, а молодые парни бегают с горящими смоляными факелами по гладкому льду, до того прозрачному, что видно, как под ним мечутся испуганные рыбы. Да, умел-таки он рассказывать!

Слушатели словно видели и слышали всё сами: водопады и водяные мельницы шумели, деревенские парни и девушки пели и плясали... Тра-ла-ла! И старый тролль так расхохотался, что вдруг чмокнул старую лесную девушку, точно старый дядюшка, а они вовсе и родственниками-то не были!

Потом дочерей лесного царя заставили танцевать. Они прекрасно исполнили несколько танцев и простых, и с прихотливостью и, наконец, должны были протанцевать новый, самый мудрёный, под названием «танец без танцев».

Эх ты ну! как они пошли вытягивать ножки и вертеться! Где начало, где конец, где рука, где нога – ничего не разберёшь, точно снежинки вихрем закрутило! Под конец они так закружились, что мёртвую лошадь стошнило, и она принуждена была выйти из-за стола.

– Брр! – сказал старый тролль. – Вот так работа ножками! А что они умеют делать ещё, кроме пляски, вытягиванья ножек и головокруженья?

– А вот сейчас узнаешь! – сказал лесной царь и вызвал самую младшую дочь; она была тонка и прозрачна, как лунный свет; это была самая нежная и изящная из всех сестёр; она взяла в рот белый прутик и – глядь-поглядь – нет её, исчезла без следа! Вот было и всё её искусство.

Но старый тролль сказал, что такое искусство в жене ему вовсе не по вкусу, да и сыновьям его навряд ли.

Вторая умела ходить сбоку самой себя, – выходило точно у неё была своя тень, а у троллей и духов её, ведь, не бывает!

Третья сестра была совсем иного склада: она обучалась варить пиво у самой бабы-болотницы и отлично умела шпиговать болотные кочки светляками.

– Из неё выйдет отличная хозяйка! – сказал старый тролль и чокнулся взглядом, – он не хотел больше пить.

Четвёртая вышла с золотой арфой в руках, ударила по одной струне, и все должны были поднять левую ногу, – тролли и духи все, ведь, левши – ударила по другой, и все должны были плясать под её музыку.

– Опасная особа! – сказал старый тролль, а молодые тролли взяли да ушли из зала, – им уж надоело всё это.

– А следующая, что умеет? – спросил старый тролль.

– Любить всё норвежское! – сказала та. – Я выйду замуж только за норвежца.

А самая младшая сестрица шепнула в это время старому троллю на ухо:

– Это она узнала из одной норвежской песни, что при светопреставлении, когда всё рушится, уцелеют будто бы одни норвежские скалы. Вот ей и хочется попасть в Норвегию; она страсть боится погибнуть.

– Эге! – сказал старый тролль. – Вот оно что! А седьмая и последняя что умеет?

– Перед седьмой есть ещё шестая! – сказал старый лесной царь, – он умел считать.

Но шестая не хотела даже показаться.

– Я умею только говорить правду в глаза! – сказала она. –

Поэтому я никому не нужна, да и дела у меня по горло: я шью себе погребальный саван!

Теперь дошла очередь и до седьмой. Что же она умела? Да она умела рассказывать сказки о чём угодно и сколько угодно.

– Вот тебе мои пять пальцев! – сказал старик-троль. – Расскажи мне сказку о каждом!

И она взяла его руку и принялась рассказывать, а он смеялся до колик. Когда же она дошла до «Златоперста», украшенного золотым кольцом, словно в ожидании обручения, старик сказал:

– Стой! Держи его крепче! Рука эта – твоя! На тебе я сам женюсь!

Сказочница возразила, что он ещё не дослушал о «Златоперсте» и о «Петрушке-Бездельнике»!

– Зимой дослушаем! – сказал старый троль. – Послушаем тогда и о них, и об ёлке, и о берёзке, и о трескучих морозах! Тебе предстоит отличиться у нас; там, в Норвегии, никто не умеет так рассказывать! Мы будем сидеть в горной пещере, при свете сосновых лучин, и пить мёд из золотых рогов викингов. Речной дух подарил мне парочку таких рогов. И сам он придёт к нам в гости и споёт тебе все песни горных пастушек. Вот веселье-то пойдёт у нас! Лососи запрыгают в струях водопада и будут биться о стены; только не попасть им к нам! Эх! Хорошо в нашей старой, славной Норвегии!.. А где же мои молодцы?

Да, куда же они девались? Они бегали по полю и задували блуждающие огоньки, которые так любезно явились участвовать в факельном шествии.

– Что вы шлёпаетесь? – сказал старый тролль. – Я вот взял вам мать, а вы можете взять за себя которую-нибудь из тёток.

Но молодцы сказали, что им больше нравится пить на «ты» и говорить речи, а жениться вовсе не хочется. И вот, они говорили речи, пили на «ты» и потом опрокидывали кубки себе на ноздь, – это значило, что в них не осталось ни капли. Наконец, они сняли с себя кафтаны и растянулись на столе отдыхать; они нисколько не стеснялись. А старый тролль пустился со своею молодою невестой в пляс, и потом поменялся с ней сапогами, – это, поновее, чем меняться кольцами!

– Чу! Запел петух! – сказала старая ключница. – Пора закрыться, чтобы солнце не испекло нас.

И холм закрылся.

А по стволу гнилого дерева бегали взад и вперёд ящерицы и тараторили:

– Ах, как мне понравился старый норвежский тролль!

– По-моему, молодёжь лучше! – сказал дождевой червяк, но, ведь, он был слеп, жалкая тварь!